

Грузнова Е. Б.

**Об особенностях изучения летописного предания
об апостоле Андрее**

Среди сюжетов недатированного вступления Повести временных лет, пожалуй, ни один не имеет столь противоречивых оценок исследователей, как предание о путешествии апостола Андрея по территории Восточной Европы. Историография этого сюжета достаточно обширна, особенно если учитывать работы, в которых он рассматривается, подробно или вскользь, в рамках вопросов о пути «из варяг в греки» и крещения Руси, а тем более — комментарии в изданиях летописей. Тем не менее, даже в специальных публикациях последних лет не удастся обнаружить полного обзора хотя бы прямо посвящённых данной проблеме работ, который позволил бы увидеть весь спектр взглядов на вопросы о достоверности описанного летописцем события и о месте, времени и причинах появления предания и его включения в летопись.

Так, например, даже в специальном историографическом исследовании Н.И. Петрова не упоминаются отличающиеся особым подходом публикации А. Л. Никитина¹. Построения А. Л. Никитина всегда вызывали обоснованную критику. Но это не может служить основанием для их игнорирования, тем более что любители истории с его точкой зрения знакомы и достаточно активно ее обсуждают. К тому же А. Л. Никитин старался привлекать труды по смежным специальностям (например, по исторической географии), на которые следовало бы больше обращать внимание и другим исследователям. Тем не менее, историки предпочитают его работы попросту не замечать.

Публикации не только А. Л. Никитина, но и самого Н. И. Петрова, в свою очередь, оказались вне поля зрения А. М. Введенского, который ограничился преимущественно давно известным набором основных трудов по теме и ссылкой на уже несколько устаревшую библиографию в работе Г. Подскальски². А выводы того же А. Л. Никитина, Л. Мюллера и И. С. Чичурова о возможности связи предания с идеями автокефалии остались не востребованы К. А. Костроминим³.

---

¹ *Петров Н.И.* Святой апостол Андрей Первозванный: путешествие «по Днепру горе». Историко-археологические разыскания. СПб., 2010. 192 с.; *Никитин А.Л.* Ошибка древнего географа? // Вокруг света. 1986. № 12. С. 48–52; *Его же* Основания русской истории: Мифология и факты. М., 2001. С. 116–147 (Гл. Путь «из варяг в греки» и легенда об апостоле Андрее); *Его же* «Хождение» апостола Андрея и путь «из варяг в греки» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 2. М., 1993. С. 358–384.

² *Введенский А. М.* Время внесения в летопись легенды об Андрее Первозванном и её состав // *Rossica antiqua: Исследования и материалы.* СПб., 2012. Вып. 2 (6). С. 3–23; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 17–20.

³ *Костромин К. А., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси нач. XI в. // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* Παλαιωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν

Авторы коллективной монографии, посвященной речным путям Восточной Европы в античной и средневековой географии, точно также не воспользовались интересными результатами исследований М. В. Агбунова об античной географии⁴, которые как раз не прошли мимо внимания А. Л. Никитина, хотя и не были им оценены по достоинству, поскольку не укладывались в его построения.

Причина такой ситуации видится не только в плохом обеспечении гуманитарных наук современной информационной базой, но и в специфике самих подходов к изучению Повести временных лет вообще и данного конкретного сюжета в частности. На протяжении весьма продолжительного времени наблюдается тенденция к развитию представлений об этом памятнике не столько как о полноценном историческом источнике, сколько как о литературном произведении, причем довольно позднем. Исследователи спорят о времени и причинах внесения в летопись тех или иных фрагментов, об их возможных источниках и авторах, о причинах соответствия или несоответствия отдельных сообщений свидетельствам других источников и тем гипотетическим построениям, которые успели приобрести ореол истины, не подлежащей обсуждению. При этом каждый фрагмент обычно рассматривается либо сам по себе, либо только вместе с теми сюжетами, связь с которыми оказалась очевидна для того или другого исследователя. В результате большинство ученых перестало воспринимать древнейшую русскую летопись как целостное произведение, требующее такого же целостного рассмотрения. Всё, что не укладывается в логику представлений о памятнике, объявляется результатом ошибки, невежества или обусловленного религиозной или политической конъюнктурой умысла летописца. Либо объясняется законами жанра или несогласованными с основным текстом вставками, в том числе неудачными заимствованиями из других источников с переносом на древнерусскую почву реалий других стран, народов и эпох. Подобные подходы вряд ли можно признать конструктивными, несмотря на то, что благодаря им по-новому удалось осмыслить многие летописные сюжеты и сам памятник. Не пришло ли время собрать разбросанные камни и попытаться взглянуть на мир именно так, как предлагает летопись?

Относительно предания об апостоле Андрее это означает, прежде всего, отказ от попыток рассматривать его вне контекста всего недатированного введения, которое представляет собой целостный, внутренне непротиворечивый и логически завершённый фрагмент⁵. Его содержание полностью раскрывает заявленное в начале название, в котором нет обещания рассказать о том, когда и как

ебел. Альманах. Вып. 3. СПб., 2015. С. 48–75; Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 183–201; Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990. С. 7–23.

⁴ Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. 240 с.; «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии / Т. Н. Джаксон, Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. М., 2007. 358 с.

⁵ О противоположной, практически общепринятой точке зрения см.: Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники. М., 1973. С. 39–43.

о Руси узнали окружающие народы, или о ее названии — только об истоках, о том, откуда она «пошла» и «стала есть», а также о первых киевских князьях. Так что в строгом смысле слова Повестью временных лет является именно эта часть, предваряющая дальнейшее погодное изложение, которое было начато в ближайшее время после смерти Святополка Изяславича, как это следует из росписи запланированных для описания княжений под 852 г. То есть между 1113 и 1117 гг., на котором заканчивается общая часть различных летописных списков. Такой способ построения сюжета, позволяющий вписать историю страны во всемирную историю и показать истоки пути к торжеству христианства в эпохах, не имеющих точных датировок, исследователи отмечают и для других средневековых хроник⁶. С этой точки зрения продуктивным представляется общепринятое мнение, что апостол Андрей появился в летописи потому, что в античной и европейской традиции Скифия, к которой относили Восточную Европу, включалась именно в его сферу миссионерской деятельности. Ведь в начальной части летописи речь идет как раз об определении места русских земель и их обитателей среди других стран и народов.

В этом случае камнем преткновения оказывается сравнение предания с последующими утверждениями в датированной части под 983 и 988 г. о том, что «тѣлом апостоли не суть сдѣ были» и «сде не суть ученья апостольска»⁷. В свое время И. С. Чичуров специально изучал вопрос о представлении в разных летописных списках противоречивых сообщений о деятельности апостолов в Восточной Европе и обнаружил, что в части из них всего этого комплекса сведений либо вообще нет, либо есть данные только об Андрее. Причем в некоторых случаях оказалось, что это был осознанный выбор летописцев, которые использовали тексты с полным набором сведений, но сохранили лишь предание об Андрее, пропустив утверждения об отсутствии апостолов на Руси⁸. Л. Мюллер пришел к выводу, что такой выбор был обусловлен неверной интерпретацией путешествия Андрея по Руси как миссионерского действия, поскольку в предании не идет речи ни о проповеди, ни о крещении населения, ни о поставлении епископов, а благословение местности и установка здесь креста не равнозначны созданию церкви, поэтому нет оснований усматривать конфликт между этими сюжетами о христианских проповедниках⁹. Ссылка Н. И. Петрова на фразу «и приде в Римъ, и исповѣда, елико научи и елико видѣ» как на свидетельство состоявшейся проповеди¹⁰ не могут приниматься во внимание, поскольку она относится ко всему путешествию от Синопии до Рима и продолжается словами «дивно видѣхъ Словънь-

⁶ См., например: *Гимон Т. В.* Повесть временных лет в свете англо-саксонских параллелей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2008. № 3 (33): Материалы международной конференции «Повесть временных лет и начальное летописание». С. 18–19; *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи. С. 40.

⁷ Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. СПб., 2007. С. 39, 53.

⁸ *Чичуров И. С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции. С. 11–12.

⁹ *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. С. 184–187.

¹⁰ *Петров Н. И.* Святой апостол Андрей Первозванный... С. 8.

скую землю...». Однако исследователи продолжают искать способы для снятия противоречий в тех списках, где присутствует весь набор сведений об апостолах, и выдвигают предположения об их принадлежности разным авторам, разным эпохам или об их заимствовании из разных первоисточников. Так, В. К. Зиборов, сравнив точку зрения Нестора о благословении Руси самим Христом, высказанную в Житии Бориса и Глеба, с текстом Новгородской первой летописи младшего извода, где нет никаких других версий об апостолах, кроме той, что их здесь не бывало, а также с полным игнорированием апостольской темы в Устюжской летописи, пришел к выводу, что представление о ниспослании Руси христианской благодати самим Богом, без посредничества апостолов, впервые кратко изложенное еще Иларионом, появилось уже в реконструируемом своде Никона 1073 г., тогда как легенда об Андрее была включена позже, поэтому ее можно увидеть только в летописях, содержащих Повесть временных лет¹¹.

Не углубляясь здесь в усилившуюся в последние годы полемику о достоинствах и недостатках реконструкций древнейших летописных текстов, остановимся на замечании о том, что в Новгородской первой летописи младшего извода отсутствует рассматриваемое предание. На самом деле, в этом и других связанных с ним списках отсутствует вся вводная недатированная часть, в состав которой оно входит. Список начинается с кратких упоминаний о временах князя Кия и обещания рассказать «о началѣ Русьския земля и о князѣхъ, како откуду быша», а затем сразу переходит к погодному изложению от времен императора Михаила¹². Других соотношений Руси со всемирной историей и географией здесь нет. А вот в недатированной части Повести временных лет — есть. Собственно, именно этому она и посвящена, что лишний раз свидетельствует в пользу ее самостоятельного значения. Остается вопрос о том, когда эта часть была составлена и когда она стала введением к погодному изложению. В рамках шахматовской школы он решается в пользу времени правления Владимира Мономаха, а для гипотетического предшествующего Повести Начального свода предполагают наличие версии об отсутствии апостолов на Руси. Тогда получается, что автор текста об Андрее ее не заметил или просто проигнорировал, потому и не прокомментировал вносимое противоречие, что представляется весьма сомнительным. Зато вполне логичной была бы обратная ситуация, когда автор записей под 983 и 988 гг. полемизировал с составителем текста, использованного в качестве введения.

Откровенно полемическим назвал характер этих статей А. Л. Никитин, увидевший здесь проявление павликианства, центром которого в X в. стала Болгария. Следы этого движения он обнаружил также и в древнейших русских мнимо-списках служб славянским первоучителям Кириллу и Мефодию. В этих текстах, также как и в Повести временных лет под 898 г., он проследил связь солунских братьев и славянских стран с именем апостола Павла, тогда как великоморавская и болгарская традиция о ней молчит — возможно, потому, что как раз ученики Кирилла и Мефодия обличали павликиан в ереси. Исследователь пришел к выводу, что утверждение на Руси авторитета апостола Павла в деле просвещения славян и умаление роли апостола Андрея и солунских братьев было

¹¹ Зиборов В. К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI века. СПб., 1995. С. 94–98.

¹² НЛЛ старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 103–104.

нужно Константинополю для искоренения памяти об автокефальности болгарской церкви и дискредитации роли Рима, из-за чего и возникло противоречие в Повести временных лет¹³. Весьма интересная гипотеза, объясняющая причины появления в летописи двух противоположных позиций относительно посещения Руси апостолами в контексте эпохи и соответствующая выводам некоторых ученых о том, что князь Владимир или его потомки пытались строить русскую церковь как автокефальную¹⁴ — в подобном случае давнее благословение этой земли учеником Христа было бы очень кстати. Однако, вопреки мнению А. Л. Никитина, из данной гипотезы никак не следует, что описанная в летописном предании деятельность Андрея не могла иметь отношения к территории Руси. Об этом речь ниже, а здесь имеет смысл вернуться к ссылкам исследователей на авторитетное мнение Илариона.

Необходимо отметить ошибочность приписывания митрополиту-русину представлений о том, что Русь не была затронута апостольским учением. Фраза «не видѣ апостола, пришьдѣша въ землю твою, и нищетою своєю и наготою, гладѣм и жажею сѣрдце твоѣ на смѣрzenie клонаша» обращена автором Слова о законе и благодати к князю Владимиру, уверовавшему в Христа несмотря на то, что узнал о нем не от свидетелей его деяний¹⁵. Владимир действительно не мог видеть наяву никакого апостола, поскольку жил девять столетий спустя. Но саму возможность прихода Андрея на территорию будущего Русского государства это никак не отрицает, поэтому текст Илариона не может приниматься как доказательство появления легенды, в том числе и в летописи, в более поздний период. Некоторые же авторы, к числу которых принадлежит Н. И. Петров, полагают, что, упоминая апостола, которого не довелось повстречать Владимиру, русский митрополит подразумевал именно Андрея¹⁶. И не учитывать такую возможность нельзя.

Свидетельством существования предания на Руси в каком-то виде если не в первой, то по крайней мере во второй половине XI в. считают следы почитания апостола в роду Всеволода Ярославича, родившегося в 1030 г. и, по убедительным косвенным данным, получившего в крещении имя Андрей. В частности, исследователи отмечают, что в период его киевского княжения (1078–1093 гг.) было основано как минимум два андреевских храма — в Киеве в 1086 г. и в Переяславле в 1089 г., а в память о нем после смерти — также в Новгороде, что почти все известные печати Всеволода имеют изображение апостола Андрея с надписью «Господи, помози рабу своему, Андрею Свладу», самые ранние изображения этого святого встречаются в мозаичных панно киевской Софии, завершенных к 1046 г., и Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1111/1112 г.), он включен во все известные месяцесловы древнерусских евангелий первой поло-

¹³ Никитин А.Л. 1) «Хождение» апостола Андрея и путь «из варяг в греки». С. 379–380; 2) Основания русской истории. С. 142–146.

¹⁴ Костромин К. А., прот. Конфессиональная поликультурность Киевской Руси нач. XI в. С. 53–55, 69; Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции. С. 15–19.

¹⁵ Иларион, митр. Слово о законе и благодати / Предисл. митр. Иоанна (Снычева). Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М., 2011. С. 92.

¹⁶ Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 10.

вины XI — начала XII вв., а церковные службы ему есть в русских рукописях конца XI в. Однако, как подчеркивает А. М. Введенский, наличие культа само по себе еще не означает существование данного предания в тот же период¹⁷.

При этом давно обращают внимание на несомненную связь летописного текста с апокрифическими сказаниями о деяниях апостола Андрея, восходящими к I–II столетиям, нашедшими отражение у целого ряда античных и средневековых авторов и записанными в переработанном виде в IX–X вв., то есть незадолго до появления культа этого святого среди русских князей¹⁸. В данных источниках встречаются упоминания не только о скифском жребии Андрея, но и о его возвращении в Синоп после каждого миссионерского путешествия, и о явленном апостолу во сне во время одной из таких передышек предсказания об ожидающей его Скифии, и о последующей поездке в Феодосию и Херсонес. Причем составитель жития Андрея, Епифаний Монах, в первой половине IX в. писавший о достижении апостолом во время третьего путешествия Крыма и посещения им Херсонеса, сам побывал в этих местах. Кроме того, к рубежу X–XI вв. относится сказание о трех учениках апостола, замученных в Скифии.

Н. И. Петров подчеркивает, что последнее сохранилось в менологии византийского императора Василия II Болгаробойцы (958–1025 гг.) — того самого, сестра которого Анна в 988 г. вышла замуж за Владимира Святого, так что русские князья имели возможность познакомиться с подобными сведениями через открывшиеся для них через жен-гречанок византийские рукописи¹⁹. Исследователь упустил еще пару деталей, одну из которых, в частности, смутно обозначил в свое время А. А. Шахматов, предположивший, что предания могли быть занесены в Киев из Корсуни²⁰. Этот брак, также как и крещение Владимира, согласно Повести временных лет, состоялся в той самой Корсунь, от которой летописец начинал северный путь Андрея и из которой сразу после заключения высокородного брака были вывезены святыни и священники для обустройства русской церкви. Корсунский клир как раз и мог быть носителем древних преданий о миссии Андрея в Северном Причерноморье, и передать их в столь подходящий для этого момент как византийскому императору (например, через сопровождавших его сестру лиц), так и создателям русской церковной традиции. Ведь од-

¹⁷ Введенский А. М. Время внесения в летопись легенды об Андрее Первозванном и её состав. С. 4–7; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М., 2006. С. 507; Мурьянов М. Ф. Андрей Первозванный в Повести временных лет // Палестинский сборник. Вып. 19 (82): Вопросы истории и культуры на Ближнем Востоке. Л., 1969. С. 161–162; Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 27, 39; Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции. С. 10–11, 15.

¹⁸ См., например: Кузьмин А.Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи. С. 38; Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 134–135; Никон (Лысенко), архим. Святой апостол Андрей Первозванный и его апостольские труды [Электронный ресурс] // Церковный вестник. Ежемесячное издание Санкт-Петербургской Епархии. 2000. № 11. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/131109sa.htm; Петров Н. И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 29–36.

¹⁹ Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 43.

²⁰ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 149.

новременно с процессом крещения городов и сел князь Владимир «нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное»²¹. И учителями могли выступать именно привезенные корсуняне. Не случайно летопись несколько раз (под 989, 996 и 1018 гг.) упоминает в связи с обустройством Десятинной церкви одного из них, Настаса Корсунянина, сохранявшего свои позиции и после смерти Владимира²². А Иоакима Корсунянина, ставшего в 989 г. первым новгородским епископом, В. Н. Татищев считал автором сведений о том, что «Андрей в Киеве крестил... и сие вероятное, ибо он прежде Нестора более как за 120 лет писал», на что обратил внимание М. Ф. Мурьянов, ограничившись, однако, лишь комментарием о дискуссиях вокруг Иоакимовской летописи и ее сообщений²³. И. С. Чичуров же показал принципиальные расхождения в отношении Византии и Руси к культу св. Андрея и сделал вывод о независимости русской традиции его почитания²⁴.

Поэтому нет особого смысла ссылаться на связи Киево-Печерской обители, которую считают колыбелью русского летописания, со Студийским монастырем, уже в первой четверти IX в. воспринявшим апокрифы об апостоле Андрее как учителя Греции и Скифии, или искать данные о путешествиях основателей русского монашества и представителей княжеской династии в Византию и на Афон, чтобы предположить, откуда и как мог быть позаимствован сюжет летописной легенды, как это делают некоторые исследователи²⁵. А неоднократно отмечавшееся совпадение летописного маршрута апостола и направления продвижения христианства с князем Владимиром и его приближенными из Корсуни через Киев в Новгород²⁶ в равной степени можно объяснить как попыткой автора предания обосновать именно такую последовательность действий в конце X в., так и стремлением крестителей Руси воспроизвести реальный путь апостола, придав своей миссии более глубокий смысл. Для того чтобы отдать пальму первенства одной из этих версий, нужно иметь подтверждаемые источниками доводы против другой.

Особый взгляд на рассказ летописи принадлежит А. Л. Никитину, который считал, что тот Новгород, на месте которого побывал Андрей, и куда затем призывались варяги, находился не на Ильмене, а на Дунае, и поэтому не относил предание к истории Поднепровья и русского Севера. Он подчеркивал, что пробуждение интереса византийских церковных писателей к апостолу Андрею во

²¹ Повесть временных лет. С. 53.

²² Повесть временных лет. С. 54, 55, 63.

²³ Мурьянов М. Ф. Андрей Первозванный в Повести временных лет. С. 159.

²⁴ Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции. С. 7–23.

²⁵ См., например: Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 406; Петров Н. И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 43–44.

²⁶ См., например: Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken, 2013. С. 48, 51–52; Пчелов Е. В. Путь «из варяг в греки» и принципы землеописания в начальной части «Повести временных лет» // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 76.

второй половине IX — начале X вв. могло быть связано с крещением болгар и восстановлением связей Константинополя с Центральной Европой через Подунавье, нарушенных в VII в. ордой хана Аспаруха. Вслед за дореволюционными исследователями А. Л. Никитин обратил внимание на совпадение маршрутов апостола и славянских первоучителей Кирилла и Мефодия на берегах Черного моря и на то, что деятельность последних завершилась в 867 г. в Риме, где они передали папе Адриану II найденные в Херсонесе мощи св. Климента и богослужебные книги на славянском языке, а на третий день после этого собрались с учениками на благодарственный молебен в Андреевском храме. Исследователь пришел к выводу, что движение солунских братьев по следам апостола было осознанным актом, подчеркнувшим преемственность двух миссий, а русский летописец просто позаимствовал легенду, перенеся место действия с Дуная на Днепр для утверждения авторитета молодой русской церкви в условиях противоборства Рима и Константинополя²⁷.

Но ведь параллели можно продолжить и с учетом русской истории. Согласно Повести временных лет, в 988 г. из того же самого Херсонеса князь Владимир точно также увез с собой в Киев мощи все того же св. Климента, иконы и церковную утварь. И впоследствии его, точно также как и моравских просветителей, приравнивали к апостолам²⁸. Кроме того, И.С. Чичуров обратил внимание, что неизвестный автор созданного в 1039 г. «Слова на обновление Десятиной церкви» уподобил апостолам и самого Климента, которого «от Рима убо въ Херсонъ, от Херсоня въ нашу Рускую страну створи прити Христоръ бог наш», и который стал заступником Русской земли, поскольку его мощи разместились в этом храме²⁹. То есть Херсонес и его святыни оказываются связующим звеном между апостолом Андреем и миссиями солунских братьев и русского князя по крещению населения двух соседних регионов. А возможно — и общим источником представлений о роли этого апостола для территорий, относившихся к Скифии. Что здесь может заставить исследователя признать полноценность текстов о деятельности Кирилла и Мефодия и усомниться в достоверности сообщений русской летописи? Отнесение всего, что связано с истоками христианства к области легендарного, а не исторического наследия? Но о миссии Андрея в Скифии упоминает целый ряд античных и средневековых авторов. Единичность сообщения о том, что она проходила, в том числе, и по указанному в летописи маршруту? А разве представления о многих исторических событиях и лицах древности не основаны на столь же уникальных свидетельствах? Опасения в невозможности сохранить информацию на протяжении столь длительного времени? Но речь идет о письменном периоде истории, и первоначальные сведения могли происходить из не дошедшего до наших дней текста, а признаки устного характера легенды до ее включения в летопись не исключают, что она не могла быть сообщена тем, кто пересказывал летописцу ранее прочитанное. Подозрительное сходство в поведении Андрея, солунских братьев и Владимира? Но ведь воспроизведе-

²⁷ Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 136–142, 147.

²⁸ Иларион, митр. Слово о законе и благодати. С. 80 ; Милотенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. С. 165, 437, 439, 442, 444, 449, 453, 459.

²⁹ Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции. С. 16–17.

дение действий сакрализованных предшественников является нормой для религиозных сообществ.

Каковы же истоки столь непреодолимого скепсиса? Как показал Н. И. Петров, он был привнесен в отечественную историографию в середине XVIII в. представителями западноевропейской научной традиции и, несмотря на весомые контраргументы ряда дореволюционных, советских и современных исследователей, достиг своего апогея в XX в.³⁰ Его причина кроется в распространении атеистического мировоззрения, породившего боязнь не удержаться на грани между научным путем познания и слепой верой. Суть этой позиции хорошо видна из слов И. Я. Фроянова о том, что «в русской клерикальной литературе прослеживается тенденция удревить историю христианства на Руси и тем самым поднять авторитет церкви», хотя «беспристрастный источниковедческий анализ сказания о “посещении” Руси апостолом Андреем показывает, что это не более чем фикция...»³¹. Насколько обоснованы опасения в неоправданном удревнении истории русской церкви, уверенность именно в таком назначении летописного предания и доводы в пользу его неисторичности?

Ряд доводов, которые выдвигают сторонники версий о невежестве, невнимательности, заблуждениях или ангажированности летописца, связан с деталями описания устья Днепра и пути «из варяг в греки», а также с уверенностью в фантастичности путешествия апостола в Рим по указанному маршруту по причине его нелогичности или даже физической невозможности.

Исследователи давно обращали внимание на то, что количество устьев Днепра, упомянутое во вводной части Повести временных лет — три — не соответствует географической реальности. Эта деталь была воспринята А.Л. Никитиным как свидетельство искусственного переноса легенды о путешествии Андрея с Дуная, у которого из всех рукавов обычно вспоминают именно про три судоходных, на Днепр, впадающий в Черное море одним потоком³². Однако три жерла Днепра указывает лишь часть летописных списков (в частности, Ипатьевский, Радзивилловский и Московский Академический), причем вовсе не факт, что это результат незнания летописцем реального положения дел или его невнимательности при адаптации первоисточника для своих целей. Как показало исследование М. В. Агбунова, в связи со сменой цикла трансгрессий и регрессий дельты рек постоянно претерпевают изменения, которые и могут находить отражение в письменных источниках. Он отметил, что такие античные авторы как, например, Страбон (рубеж эр), Клавдий Птолемей (II в.), Руфий Авijen (IV в.), писали об устьях, а не одном устье Борисфена, при этом отделяя от него соседний Буг-Гипанис в качестве самостоятельной реки, что вплоть до XVI–XVII вв. существовал как минимум еще один рукав под названием «Запорожская протока», и что даже после сооружения в середине XX в. Каховского водохранилища Днепр вливается в Днепроовско-Бугский лиман несколькими мелкими устьями. При этом три жерла Дуная отмечены лишь у пары авторов III в. до н.э., тогда как остальные источники V в. до н.э. — V в. н.э. знают от пяти до семи рукавов³³. В любом

³⁰ Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 7–18.

³¹ Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. М., 2007. С. 58–60.

³² Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 131–133.

³³ Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. С. 113–115, 164, 172, 185.

случае, на сегодняшний день неизвестно, какое количество устьев Днепра было указано в первоначальном списке Повести временных лет и не изменилось ли оно при последующих переписываниях, например, из-за неправильно прочитанного буквенного обозначения числа. Для глобальных выводов о зависимости данного описания Днепра от предполагаемой легенды о дунайском путешествии апостола имеющейся информации маловато.

Оживленную дискуссии на протяжении многих десятилетий вызывает вопрос о пути «из варяг в греки», с рассказом о котором во вводной части Повести временных лет ученые связывают и присутствие здесь предания об апостоле Андрее — то ли появившегося для подтверждения реальности маршрута, то ли, наоборот, вызвавшего необходимость его подробного описания. Реконструкции речных перемещений по днепровско-волховскому пути показали, насколько они сложны даже в современных условиях, поэтому давно выдвигаются предположения о том, что на самом деле этот путь пролегал от Днепра не к Ладогe, а через Западную Двину к Балтийскому побережью, либо целиком проходил западнее, по «янтарному» пути, вообще не затрагивая территорию Руси. И уж во всяком случае большинство современных авторов отвергает возможность интенсивного использования этого пути до образования Древнерусского государства, связывая его освоение с варягами.

Оставляя в стороне рассуждения об отражении особенностей сообщения между Балтикой и Новгородом в скандинавских сагах и рунических надписях, а также об уровне рек, развитости транспорта и обслуживающей инфраструктуры в разные исторические эпохи, обратим внимание на текст самого предания. В нем ничего не говорится о времени и способе передвижения Андрея — только о направлении: «поиде по Днѣпру горѣ» до места будущего Киева, отсюда вновь «по Днѣпру горѣ. И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новѣгородъ», а затем «иде въ Варяги, и приде в Римъ»³⁴. Поэтому все претензии по поводу трудностей преодоления речными судами днепровских и волховских порогов и волоков между водными магистралями, большую часть которых можно было легко избежать, направившись от верховий Днепра в бассейн Западной Двины, гораздо легче и быстрее выведивший путника в землю варягов, следует адресовать не летописцу, а тем, кто предлагает такую картину событий в своих реконструкциях. Хотя повседневному использованию указанной системы рек и волоков местным населением как до начала строительства здесь в XVIII в. гидротехнических сооружений, так и после подобные трудности не мешали. Об этом свидетельствует и летописный рассказ о приходе Олега в 882 г. в Киев под видом купца, идущего от наследников Рюрика, который двадцатью годами ранее овладел всей северной частью Восточноевропейской равнины от Полоцка, Изборска и Новгорода на западе до Белоозера, Ростова и Муром на восток³⁵. Для X в. обыденность путешествия по Днепру подтверждает информация Константина Багрянородного о начале пути приходящих в Константинополь из России моноксил от верховий Днепра, куда они попадали из соседних водоёмов³⁶. А археологические данные

³⁴ Повесть временных лет. С. 9.

³⁵ Повесть временных лет. С. 13–14.

³⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 44–47.

позволяют говорить о наличии такого сообщения и в первые века нашей эры³⁷. Кроме того, в последнее время исследователи стали обращать внимание на свидетельства источников об использовании рек не только как водных, но и как ледовых магистралей, а также просто в качестве трассы, вдоль которой удобно следовать посуху в определенном направлении³⁸.

Какой способ передвижения или их сочетание подразумевал автор текста об Андрее, остается неизвестным, хотя исключить возможность маршрута, описанного летописцем в предшествующем фрагменте о путях, оснований тоже нет. Тем более что там предлагается два варианта следования из Руси в Рим. Первый — через волховскую систему и устье Невы к Варяжскому морю и далее морем до конечной точки. Второй — «по Двине в Варягы, а из Варяг и до Рима» без уточнения способа передвижения, что не исключает и маршрут по рекам и волокам Центральной и Западной Европы, как это видно из более поздних сообщений. Так, «Хождение на Флорентийский собор Неизвестного Суздальца» рассказывает о движении митрополита Исидора в 1437 г. из Москвы через Тверь, Торжок, Волочок и «рекою Мъстою в лодье к Великому Новгороду, а кони берегом», затем через Псков и Юрьев в Ригу, оттуда на корабле по Двине и морем до Любека (тогда как кони от Риги до Любека добирались берегом), а из Любека уже по немецким землям к Дунаю и через Альпы к фрягам³⁹.

Несмотря на этот пример, сложно понять, почему исследователи отдают предпочтение перемещению по территории Европы, объявляя морской путь во круг нее нелогичным. В.Я. Петрухин как раз обратил внимание, что сообщение между севером Европы и Средиземноморьем вдоль побережья могло оказаться более безопасным, чем через речные системы, контролировавшиеся не всегда дружелюбным местным населением, и что сохранились данные о подобном походе из Британского моря к Севилье в 844 г.⁴⁰ Кроме того, есть и другие памятники древнерусской литературы, отражающие представления о возможности такого морского путешествия. В Сказании о житии Антония Римлянина (списки XV–XVIII вв.) говорится, что в сентябре 1105 г. «отъ римскіа страны шествіе его бысть по теплому морю. из негоже в реку Неву. и из Невы реки въ Невое озеро. из Нева ж озера вверхъ по реце Волхову. противу быстринь неизреченныхъ. даж и до великаго Нова града» на оторвавшемся от скалы камне⁴¹. А «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань», сохранившееся в рукописях второй трети XVI в., сообщает о том, как святой Николай Корсунский в видении отговорил своего служителя Астафия «ити вверх по Непру, и паки ити за Днѣпръ в Половецкую землю на возстокъ к Рязанскіа земли», предложив бо-

³⁷ Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 17.

³⁸ Микляев А.М. Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород, 1992. С. 133–138; Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века: Исследование. Тексты. Комментарии. М., 2005. С. 266, 295, 315.

³⁹ Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века. С. 315–317.

⁴⁰ Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»: летописная конструкция и трансконтинентальные магистрали // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009. С. 61–63;

⁴¹ Житие преподобного Антония Римлянина // Православный собеседник. Казань, 1858. Кн. 2. С. 160.

лее безопасный путь через христианские области. Следуя указаниям святого, Астафий в 1225 г. «прииде во устье Днѣпрское и сяди в корабль в Поньтенское море, — се же словет море Руское. И доиде моря Варяжскаго, и паки прииде в Немецкия области во град Кесь, и мало пребы в нем. И поиде оттуду сухимъ путем, и прииде в Великий Новгород», откуда добрался до Рязани⁴². Способы передвижения — на корабле и посуху — указаны здесь однозначно для каждого участка, а преодолеть речные системы Европы без сухопутных переходов не получится, так что плыл он, судя по всему, как раз морем, только в направлении, обратном летописному пути апостола.

Кроме того, если отвергать морской путь, то придется объяснить упоминаемые, но практически не комментируемые исследователями сведения о почитании апостола Андрея в ряде северных стран — Скандинавии, Исландии, Ирландии, Англии, Шотландии⁴³.

Что касается утверждений о нелогичности описанной в предании траектории движения из Крыма в Рим, то они проистекают из желания направить Андрея по кратчайшему пути, которым, помимо морского, мог быть предлагаемый А. Л. Никитиным дунайский. Но ведь выбор маршрута всегда зависит от задачи, которую ставит перед собой путник, а также от необходимости учета им различных внешних факторов (природных, политических, экономических, бытовых и т.д.). Из летописного рассказа получается, что Андрей сначала узнал о том, что рядом с Корсунью находится устье Днепра, после чего захотел пойти в Рим и направился для этого вверх по реке. То есть не конечная точка маршрута определила выбор пути, как полагают некоторые авторы⁴⁴, а именно полученные сведения о Днепре вызвали желание дойти по нему до Рима. По сути, речь идет об изучении апостолом отведенных для его миссии пределов, и это как раз вполне укладывается в логику других его путешествий, во время которых он точно также устанавливал поклонные кресты, как сделал это, согласно летописи, на месте будущего Киева⁴⁵. Тем не менее, большинство исследователей считает абсолютно легендарной даже возможность пребывания апостола в районе Киевских гор, не говоря уже о благословении им этих мест.

Самой нереалистичной частью предания называют фрагмент о приходе Андрея «в словени, идеже ныне Новьгородъ». Обнаруженные в этих местах следы поселений I–II вв. сходны с археологической культурой обитателей соседней юго-восточной Прибалтики, связи которых с Причерноморьем на рубеже эр как раз хорошо прослеживаются. Но упоминание в Приильменье словен в столь ранний период заставляет исследователей ставить под сомнение историчность всего рассказа, либо относить его к другому региону — Подунавью (как А. Л. Никитин) или, по крайней мере, Верхнему Поднепровью и Подвинью (как Н. И. Петров). Принято считать, что заселение приильменских территорий сла-

⁴² «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуни в Рязань» в 1225 г. // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5: XIII век. С. 134, 136.

⁴³ Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. С. 201, прим. 42; Никитин А.Л. Ошибка древнего географа? С. 49.

⁴⁴ Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»... С. 59.

⁴⁵ Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. С. 199, прим. 17.

вянами в первые столетия по Р. Х. исключено, а находимые здесь фрагменты вещей второй половины II тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. обычно относят к древностям прибалтийско-финских племен, хотя об определенности в атрибуции говорить все-таки не решаются⁴⁶. Однако вопрос о соотношении особенностей материальной культуры с данными лингвистики, генетики, этнографии и со свидетельствами письменных источников отнюдь не имеет однозначных решений. Все сопоставления в большей или меньшей степени относятся к области допущений и вовсе не исключают возможности иных интерпретаций. Не случайно Р. С. Минасян на основе тех же самых артефактов пришел к выводу, что славяне обитали на территории от Среднего Поднепровья до Приильменья с долетописных времен, а характерные для них черты материальной культуры прослеживаются в низовьях р. Ловать уже в первые века нашей эры⁴⁷. Поэтому нельзя отвергать достоверность представленного летописцем рассказа просто потому, что современному исследователю не удастся найти убедительные доказательства в пользу одной из его частей при наличии подтверждений для других, как это делает, например, Н. И. Петров⁴⁸.

Если исходить непосредственно из текста памятника, то можно заметить, что в вводной части практически нет привязок к хронологической шкале. Летописец не уточняет, по прошествии какого времени после Вавилонского столпотворения славяне осели на Дунае и когда разошлись оттуда по Европе. Упоминание в качестве одной из причин расселения притеснений со стороны волохов, под которыми обычно понимают события VI–VII вв., этому никак не помогает, поскольку текст не дает однозначного указания, к какой из волн расселения они относятся. Во всяком случае, автор хронографического рассказа о Словене и Русе и городе Словенске в XVII в. считал, что таких волн было несколько. Археологические же данные позволяют говорить о миграции в середине I в. в верховья Днепра под давлением сарматов носителей зарубинецкой культуры, в которой выявляют и славянские признаки, а также о возвратном движении славян на Дунай с последующей реколонизацией ими с рубежа VII–VIII вв. лесной зоны⁴⁹. Так что возможность нахождения словен в Приильменье уже в I в. с точки зрения исторической реальности отнюдь не исключена. А для летописца, на что обратил внимание и Н. И. Петров⁵⁰, она была очевидна, поэтому он не только про-

---

⁴⁶ Лебедев Г.С. Итоги и перспективы изучения «пути из варяг в греки» как основы коммуникационной сети древнерусского государства // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород, 1989. С. 52; Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 26, 78–79, 83–84, 87–88, 303; Рябинин Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада России. Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики. СПб., 1993. С. 123.

⁴⁷ Минасян Р. С. История восточнославянской «мовницы» // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж. СПб., 2001. Вып. 35. С. 176–177.

⁴⁸ Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 88.

⁴⁹ См., например: Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 59–61; Повесть временных лет. С. 8, 15, 385; ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 139–142; Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 236–239, 279–286.

⁵⁰ Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный... С. 22, 67.

цитировал слова апостола «дивно видѣхъ Словѣнскую землю идучи ми сѣмо», но и подчеркнул, что речь идет о той самой земле, где в его время находился Новгород (причем именно тот, в который можно попасть, двигаясь вверх по Днепру), и для которой издавна характерны удивившие Андрея банные обычаи⁵¹.

Эти маркирующие признаки сводят «на нет» попытки отнести предание к истории дунайских славян. Поскольку название «Новгород» было достаточно распространено, понять, о какой земле идет речь, можно лишь с помощью дополнительных ориентиров. В данном случае это как раз путь вверх по Днепру и парение в деревянных банях, известное лишь в очень конкретной зоне. Самые западные территории, на которых выявлен этот вид банной культуры, включают Финляндию и Литву, самые южные — северную Черниговщину. Причем по сходству типов печи исследователи особо выделяют как раз бассейн Западной Двины и Приильменья — то есть территории, на которых в древности проживали словене и кривичи, и на которые указывает летописец⁵². Единственным исключением могло бы оказаться сообщение о процедуре, устроенной княгиней Ольгой древлянам в 945 г. на своем киевском подворье, но там речь идет не о бане, а об «истоке», в качестве которой могло выступать не специальное помещение, а обыкновенная изба⁵³.

Банные же обычаи Подунавья всегда весьма сильно отличались от процедуры парения северной бани, поскольку восходили совсем к иной традиции — традиции римских терм. Последние, судя по сообщению Повести временных лет, впервые появились на Руси в 1089 г. благодаря строительной деятельности Переяславского митрополита Ефрема, хотя знакомство с ними выходцев из Восточной Европы относится как минимум к началу X в., как это следует из договора с греками 907 г.⁵⁴. И это одна из причин, по которым попытки связать переяславское «строение банное каменное» с сюжетом предания об апостоле Андрее вряд можно признать удачными⁵⁵.

А вот предположить новгородские истоки этой части рассказа о хождении апостола было бы вполне логично. Ведь и византийские авторы, собирая информацию об Андрее там, где он бывал согласно апокрифам, активно использовали сведения, полученные от местного населения. Так, например, о посещении Андреем Херсона Епифанию Монаху в первой трети IX в. рассказали сами

⁵¹ Повесть временных лет. С. 9.

⁵² *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М., 1956. С. 340; *Желтов А.А.* Русская баня и старинный северный быт // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2004. С. 281, 284, 288; *Vahros I.* Zur Geschichte und Folklor der Grossrussischer Sauna. Helsinki, 1966. S. 14. (F. F. communications, n. 197).

⁵³ Повесть временных лет. С. 28.

⁵⁴ Повесть временных лет. С. 17, 89.

⁵⁵ *Костромин К., прот.* К вопросу об авторе летописного сказания об апостоле Андрее // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 22–38; *Петров Н.И.* Святой апостол Андрей Первозванный... С. 42–44.

его жители⁵⁶. Учитывая развитие фабулы летописного рассказа применительно к конкретным географическим объектам в письменных памятниках XVI в. и фольклоре XIX–XX вв., нельзя исключить, что их основой был не летописный текст или апокрифы, как полагает Н.И. Петров⁵⁷, а те местные устные предания Корсуни, Киева и Новгорода, которые и летописец когда-то обобщил в одном рассказе, поскольку не сомневался в их достоверности (существенно, что ко всем этим городам имело отношение корсунское духовенство, вывезенное Владимиром для крещения Руси). Однако и Н. И. Петров, показав, что утверждения о юмористическом или даже насмешливом отношении летописца к словенам в банном эпизоде не подкрепляются какими-либо серьезными обоснованиями, ограничился замечанием, что летописец мог соотнести сохраненное греческим апокрифом описание гигиенических традиций Верхнего Поднепровья или юго-восточной Прибалтики с известными ему обычаями обитателей Приильменья⁵⁸.

Когда бы и при каких обстоятельствах не появилось предание в летописи, ни один из последующих переписчиков не посчитал возможным изъять его из недатированного введения или сопроводить комментарием, поясняющим его взаимоотношения со статьями 983 и 988 гг. и внелетописными произведениями Нестора. А значит, можно предположить, что стойкое убеждение в реальности связи Руси с апостолом Андреем существовало, по крайней мере, на общегосударственном уровне, с момента составления Повести временных лет, если не раньше. И остается лишь согласиться с недоумением современного церковного автора относительно более чем столетнего отрицания большинством ученых достоверности содержащейся в предании информации о путешествии Андрея по Восточной Европе вопреки свидетельствам многочисленных и разнообразных письменных источников, археологическим находкам и данным естественных наук⁵⁹.

Источники и литература:

1. *Азбунов М. В.* Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 240 с. 19 ил. (Сер. «Страницы истории нашей Родины»).
2. *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М., 1956. С. 5–458.
3. *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. 189. Январь. С. 41–82 (Отд. 2); Февраль. С. 157–185 (Отд. 2).
4. *Введенский А. М.* Время внесения в летопись легенды об Андрее Первозванном и её состав // *Rossica antiqua: Исследования и материалы.* СПб., 2012. Вып. 2 (6). С. 3–23.
5. *Гимон Т. В.* Повесть временных лет в свете англо-саксонских параллелей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2008. № 3 (33): Материалы международной конференции «Повесть временных лет и начальное летописание». С. 18–19.

---

⁵⁶ *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. 189. Февраль. С. 164, 169 (Отд. 2).

⁵⁷ *Петров Н.И.* Святой апостол Андрей Первозванный... С. 45–48.

⁵⁸ См. об этом: *Петров Н.И.* Святой апостол Андрей Первозванный... С. 22–24, 87.

⁵⁹ *Никон (Лысенко), архим.* Святой апостол Андрей Первозванный и его апостольские труды. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/131109sa.htm

6. Житие преподобного Антония Римлянина // Православный собеседник. Казань, 1858. Кн. 2. С. 157–171.
7. *Зиборов В. К.* О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб.: Изд. С.-Петербургского университета, 1995. 192 с.
8. *Иларион, митр.* Слово о Законе и Благодати / Предисл. митр. Иоанна (Снычева). Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Комментар. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. 176 с.
9. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
10. *Костромин К., прот.* К вопросу об авторе летописного сказания об апостоле Андрее // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 22–38.
11. *Костромин К. А., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси нач. XI в. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιότητα: εν χρόνω, εν προσώπω, εν εἰδει. Альманах. Вып. 3. Материалы научной конференции «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации» Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г. / Под ред. к.и.н. прот. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 48–75.
12. *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2013. 250 с.
13. *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники. М., 1973. С. 36–47.
14. *Лебедев Г.С.* Итоги и перспективы изучения «пути из варяг в греки» как основы коммуникационной сети древнерусского государства // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород, 1989. С. 49–53.
15. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая традиция сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 908 с.
16. *Малето Е.И.* Антология хождений русских путешественников XII–XV века: Исследование. Тексты. Комментарии. М.: Наука, 2005. 438 с.
17. *Микляев А.М.* Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород, 1992. С. 133–138.
18. *Милотенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. 576 с. (Сер. «Библиотека христианской мысли. Исследования»).
19. *Минасян Р. С.* История восточнославянской «мовниці» // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж. СПб., 2001. Вып. 35. С. 166–177.
20. *Мурьянов М. Ф.* Андрей Первозванный в Повести временных лет // Палестинский сборник. Вып. 19 (82): Вопросы истории и культуры на Ближнем Востоке. Л.: Наука, 1969. С. 159–164.
21. *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 183–201.
22. *Никитин А. Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.: АГРАФ, 2001. 768 с.
23. *Никитин А.Л.* Ошибка древнего географа? // Вокруг света. 1986. № 12. С. 48–52;
24. *Никитин А.Л.* «Хождение» апостола Андрея и путь «из варяг в греки» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 2. М., 1993. С. 358–384.
25. *Никон (Лысенко), архим.* Святой апостол Андрей Первозванный и его апостольские труды [Электронный ресурс] // Церковный вестник. Ежемесячное издание Санкт-Петербургской Епархии. 2000. № 11. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_gpz/131109sa.htm
26. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л.: АН СССР, 1950.

- С. 103–104.
27. *Петров Н.И.* Святой апостол Андрей Первозванный: путешествие «по Днепру горе». Историко-археологические разыскания. СПб.: СПбКО, 2010.
  28. *Петрухин В.Я.* Путь «из варяг в греки»: летописная конструкция и трансконтинентальные магистрали // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С. 61–63;
  29. Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2007. 668 с.
  30. *Подскалки Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. для рус. перевода / Пер. А. В. Назаренко, под ред. К. К. Актентьева. СПб.: Византинороссика, 1996. XX, 572 с. (Сер. Subsidia Byzantinorossica).
  31. *Пчелов Е.В.* Путь «из варяг в греки» и принципы землеописания в начальной части «Повести временных лет» // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С. 66–77.
  32. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии / Т. Н. Джаксон, Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов. М.: Знак; Языки славян. культур, 2007. 358 с., [11] л. ил. (Сер. Studia Historica . Series minor).
  33. *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада России. Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики. СПб.: ИИМК РАН, 1993. С. 114–131.
  34. «Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань» в 1225 г. // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 132–139.
  35. *Фроянов И. Я.* Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007. 336 с.
  36. *Чичуров И.С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М.: Наука, 1990. С. 7–23.
  37. *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. Т. 4. С. 149.
  38. *Шукин М. Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: «Фарн», 1994. 324 с.
  39. *Vahros I.* Zur Geschichte und Folklor der Grossrussischer Sauna. Helsinki, 1966. 360 s. (F. F. communications, n. 197).